

«И выступил с речью довольно искренней и горестной»: индивидуальное измерение Люблинского сейма 1569 года

Владимир Подолинский

«And Made Quite an Honest and Sorrowful Speech»: the Individual Dimension of the Lublin Diet of 1569

Uladzimir Padalinski
(Belarusian State University, Minsk)

DOI: 10.31857/S086956870010775-3

Люблинский сейм 1569 г. стал знаковым событием в социально-политической истории Короны Польской и Великого княжества Литовского (ВКЛ). В результате бурных споров, конфликтов и компромиссов возникла Речь Посполитая Обоих Народов. Историки разных стран ведут не менее жаркие дискуссии о причинах, условиях и результатах унии, заключённой 1 июля 1569 г. Даже краткий обзор научной литературы, посвящённой проблематике Люблинской унии, превратился бы в объёмное историографическое исследование. Немало внимания исследователи уделили и работе сейма в Люблине¹. Правда, в первую очередь ход сеймовых заседаний рассматривался в контексте масштабных политических процессов в Короне, ВКЛ или во всём регионе Центрально-Восточной Европы. Вместе с тем на сейме 1569 г. шляхта занималась решением не только проблем общегосударственной важности, но и собственных, персональных дел. Такие личные дела были очень важными для обычной, повседневной жизни шляхты и являлись неотъемлемой частью социально-политических явлений, происходивших в ВКЛ в третьей четверти XVI в. В предыдущих работах мне уже приходилось рассматривать локальные и личные вопросы, которые представители (сенаторы и земские послы) ВКЛ поднимали на сеймовых заседаниях в Люблине². В этой статье на примере работы Люблинского сейма 1569 г. я попробую более детально показать, как решение индивидуальных дел и просьб влияло на формирование представлений шляхты ВКЛ о роли и значении института вального сейма в общественной жизни, а также о дальнейшем сосуществовании политических народов ВКЛ и Короны Польской в составе Речи Посполитой.

Основными источниками исследования являются два дневника Люблинского сейма 1569 г., а также различные королевские грамоты и решения, выданные непосредственно во время его работы. Сеймовые дневники были изданы ещё в 1850—1860-х гг.³ Чрезвычайная важность этих источников обуслов-

© 2020 г. В.А. Подолинский

¹ Обзор важнейшей литературы о Люблинском сейме 1569 г. см.: *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск, 2017; *Jučas M.* Unia polsko-litewska. Toruń, 2004; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1588). Warszawa, 2002.

² *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва... С. 101—124.

³ Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого Княжества Литовского с Королевством Польским. СПб., 1869; *Źródłopiśma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego.* Cz. III. Dziariusz sejmu lubelskiego, rok 1569. Poznań, 1856.

лена тем, что дневники велись во время сейма его непосредственными наблюдателями и содержат подробное описание дискуссий по различным вопросам, возникавшим во время заседаний. В свою очередь, различные нормативные акты, изданные на сейме королём польским и великим князем литовским Сигизмундом Августом, сохранившиеся в составе книг Метрики ВКЛ⁴, позволяют проследить процесс принятия решений и механизм их реализации на практике. Замечу, что петиции по личным делам того или иного шляхтича с большой долей вероятности должны были включаться в текст инструкций земским послам ВКЛ, составленных на поветовых (уездных) сеймиках накануне сейма в Люблине⁵. Известно, что на сеймиках в поветах и воеводствах Великого княжества такие посольские инструкции составлялись⁶, но до наших дней ни одна из них, скорее всего, не сохранилась.

Участие короля и великого князя в работе сейма давало шляхте возможность непосредственно обращаться к нему со своими персональными делами и заботами. Открывался более лёгкий доступ к королевскому двору и, что самое главное, к королевскому суду. На вальном сейме личные вопросы могли подниматься индивидуально сенаторами, земскими послами или солидарно всей делегацией ВКЛ. Соответственно, шляхтич мог рассчитывать на поддержку со стороны великокняжеских сенаторов или земских послов. В свою очередь, на общем сейме можно было надеяться и на поддержку коронных представителей. Подчеркну, что индивидуальные петиции, озвученные делегатами ВКЛ на Люблинском сейме, касались, как правило, имущественных дел тех или иных шляхтичей. Вместе с тем в этих делах отразились важнейшие социально-политические события, происходившие в ВКЛ в 1550—1560-х гг.: проведение аграрной реформы, заключение унии с Короной Польской, боевые действия во время Ливонской войны.

На сейме в Люблине рассматривались дела, связанные с отчуждением у шляхты недвижимого имущества во время проведения в Великом княжестве Литовском волочной померы. Аграрная реформа середины XVI в. предусматривала ревизию прав собственности на земельные владения, а также присоединение к государственным поместьям, при соответствующей компенсации, некоторых прилегающих частновладельческих земель. Довольно часто в результате таких мероприятий шляхта лишалась своих владений и далеко не всегда

⁴ В работе использованы книги Метрики ВКЛ: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далее — НГАБ), КМФ-18, воп. 1 (Метрыка ВКЛ), спр. 50. Кніга запісаў (1566—1572 гг.); спр. 267. Кніга судных спраў (1566—1571 гг.); спр. 268. Кніга судных спраў (1566—1572 гг.); спр. 269. Кніга судных спраў (1566—1572 гг.); Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 44: Кніга запісаў (1559—1566). Мінск, 2001; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 30: Литовская Метрика. Отдел первый—второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Юрьев, 1914; Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика (далее — Lietuvos Metrika). Кн. 532: 1569—1571. Vilnius, 2001; Кн. 52: 1569—1570. Vilnius, 2004; Кн. 49: 1566—1572. Vilnius, 2014.

⁵ Персональные петиции часто содержались в посольских инструкциях послам Польши и ВКЛ на сеймы Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII в. (*Seredyka J. Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy // Studia historyczno-prawne. Prace ofiarowane K. Orzechowskiemu w 70-r. urodzin. Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka. 1993. № 2—3. S. 189—197*). Индивидуальные просьбы подавались шляхтой и на сеймах ВКЛ перед заключением Люблинской унии 1569 г. (РИБ. Т. 30. Стб. 516—518).

⁶ Например, послы Вилькомирского повета на сеймике в мае 1569 г. получили от местной шляхты «иньструкцьёю под ихь печатъми»: НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 269, арк. 66.

могла получить справедливую «замену»⁷. Даже для наиболее крупных и влиятельных землевладельцев ВКЛ, по меткому определению трокского каштеляна подканцлера Остафия Воловича, аграрные преобразования того времени были «потрясением»⁸. Правда, представителям великокняжеской властной элиты, приближённым к монарху, было проще добиться надлежащей компенсации. Тот же Волович в 1569 г. получил в замену за свои земли, присоединённые к господарским владениям, 143 оседлые волоки в Гродненском и Упитском староствах⁹. Простой шляхте в решении личных проблем приходилось полагаться на поддержку вального сейма.

Так, в июле 1569 г. братья Богдан и Дмитрий Фёдоровичи Сапегы жаловались Сигизмунду Августу, что в пользу господарского двора в Мерече (Трокский повет) ещё у их матери были изъяты некоторые земли. Братья просили короля и великого князя наконец компенсировать их потери соответствующими земельными наделами. В результате 16 июля 1569 г. Сигизмунд Август поручил меречскому державце ловчему ВКЛ Григорию Воловичу и господарскому маршалку ошмянскому подкоморию Яну Палускому самим на месте рассмотреть дело и принять по нему решение «не отъкладаючи того до насъ», т.е. монарха. Королевские комиссары должны были выделить Сапегам за отобранные у них земли «отъмену слышную кгрунты нашыми», причём такую, «яко бы имъ на властности ихъ жадное уближение не деяло и яко бы они большей того в томъ себе не шкодовали и нам о томъ повторе не жаловали»¹⁰. Тогда же три брата Гричины — брестский земский подсудок Яков и господарские дворяне Иван и Фалько заявляли, что во время проведения волочной померы у них изъяли часть земель в селе Кошевичи (Пинский повет) без соответствующей земельной компенсации. Сигизмунд Август вынес своё решение 23 июля 1569 г. Он поручил смоленскому воеводе Василию Тышкевичу, являвшемуся тогда пинским старостой, вместе с господарским дворянином Богуфалом Туром лично прибыть на спорные земли и разобраться во всех обстоятельствах дела. Если ситуация действительно была такой, как её изложили Гричины, то Тышкевич и Тур должны были на месте выделить им «отъмену ровную а слышную». В противном случае урядники должны были обо всём сообщить господарю, который бы и принял окончательное решение. Поскольку дело тянулось ещё со времён королевы Боны, то Сигизмунд Август хотел скорее его закончить, чтобы братья «намъ, господарю, набеганя и докучъ жалобами своими не чынили». Гричины своих прав на спорную землю доказать не смогли, и земельной компенсации не получили¹¹.

Подчеркну, что на Люблинском сейме просьбы компенсировать шляхте земли, отнятые у неё во время волочной померы, подавались Сигизмунду Августу как от послов отдельных поветов, в частности Пинского, так и от имени

⁷ Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-русском государстве. М., 1958. С. 286; Уланов В. Волочная помера и устава и её значение в истории Литовско-русского государства. Минск, 2005. С. 69—79.

⁸ Kieniewicz L. Senat za Stefana Batorego. Warszawa, 2000. S. 27.

⁹ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 79—81.

¹⁰ Ibid. P. 70—71. См. также жалобу боярина Жемайтского староства Юрия Матеейтиса на тверского тиуна Андрея Илговского: Ibid. P. 73—74.

¹¹ Пичета В.И. Указ. соч. С. 315; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 74—75; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1863. С. 213—216.

всей делегации Великого княжества¹². О том, что сеймовые представители ВКЛ непосредственно влияли на рассмотрение вопросов шляхетского землевладения, свидетельствует случай посла Смоленского воеводства Яна Скирмонта¹³. На сейме в Люблине смоленский посол просил монарха подтвердить его права собственности на земли около местечка Пешатка (Брестский повет), полученные им в замену во время проведения волочной померы. При этом за Скирмонта ходатайствовали земские послы и сенаторы ВКЛ, в частности Волович. Учитывая заступничество Сената и Посольской избы, а также заслуги Скирмонта в придворной службе, Сигизмунд Август 17 июля 1569 г. пожаловал ему эти земли «на вечность»¹⁴. На вальных сеймах верховная власть непосредственно сталкивалась со значительным недовольством, вызванным в среде средней и мелкой шляхты ВКЛ проведением аграрной реформы¹⁵. Эти негативные настроения транслировались через земских послов, хорошо знавших (часто на личном опыте) масштаб злоупотреблений и нарушений, связанных с переделом земли. Соответственно, королевская власть стремилась, по крайней мере формально, показывать уважительное отношение к шляхетским правам на земельную собственность.

На Люблинском сейме как отдельные шляхтичи, так и вся делегация ВКЛ обращались к монарху с просьбами подтвердить их права использовать государственные лесные ресурсы в своих нуждах, так называемые входы в господарские пуши. Шляхта, способная доказать своё право пользования господарскими лесными угодьями, как правило, получала от монарха соответствующее подтверждение. Например, 16 апреля 1569 г. Сигизмунд Август по просьбе Воловича подтвердил для всего рода Воловичей их старинные права на входы в Гродненские пуши¹⁶. 13 июля монарх утвердил права Богдана Углика на пользование бортным деревом и сенокосами в Перстуньской пуше, находившейся в Гродненском повете¹⁷; 5 августа был издан господарский лист (грамота) — комиссары должны были рассмотреть жалобу Ленарта Довгирда на нарушение его старинных прав на пользование входами в Берштанской пуше в том же Гродненском повете¹⁸. Отдельная просьба о гарантиях для шляхты свободно пользоваться ресурсами господарских пуш была подана Сигизмунду Августу и от имени всей делегации Великого княжества. Король и великий князь подтвердил, что он «никому на властности его жадного уближенья чи-

¹² *Падалінскі У. Прадстаўніцтва...* С. 109. Послами Пинского повета были пинские войский Станислав Ширма и земский подсудок Иван Доманович.

¹³ Вторым смоленским послом являлся Фёдор Копоть. Замечу, что Смоленщина с начала XVI в. находилась под контролем Московского государства. Утверждение акта Люблинской унии «смоленскими» послами давало возможность новообразованной Речи Посполитой претендовать на земли Смоленского воеводства. Именно эта внешнеполитическая задача обусловила появление Я. Скирмонта и Ф. Коптя в составе делегации ВКЛ в Люблине. По моему мнению, они никем не избирались, их назначил Сигизмунд Август (оба посла были тесно связаны с королевским двором). Нет никаких свидетельств, чтобы где-то в ВКЛ накануне Люблинского сейма 1569 г. состоялся сеймик, где собралась бы шляхта, так или иначе связанная со Смоленщиной (*Падалінскі У. Прадстаўніцтва...* С. 24—25, 164—165).

¹⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 334 адв.—335 адв.

¹⁵ Об отношении шляхты ВКЛ к волочной помере см.: *Пичета В.И.* Указ. соч. С. 357.

¹⁶ *Lietuvos Metrika.* Кн. 52. Р. 26—29.

¹⁷ *Ibid.* Р. 54—55.

¹⁸ *Ibid.* Р. 59—60. Комиссарами были назначены виленский подконюший, господарский дворянин Ян Волк, а также Иван Карп.

нити не звыклъ»¹⁹. И именно вальный сейм был местом, где обычный шляхтич мог защитить свои права, в том числе важнейшие для повседневной жизни права земельной собственности²⁰. Добавлю, что шляхта на сейме часто стремилась подтвердить у монарха предыдущие земельные пожалования. Так, в июне 1569 г. в Люблине посол Речицкого повета земский писарь Андрей Халецкий получил от Сигизмунда Августа подтверждение на владение на ленном праве селом Телешы в Гомельской волости, пожалованное ему, жене и детям гомельским старостой Михайлом Мышкой-Варковским «до воли и ласки» господарской²¹. Посол Мстиславского воеводства Григорий Макаровский просил Сигизмунда Августа подтвердить пожалованный ему «до воли и ласки наше господарское» местным каштеляном и старостой князем Иваном Соломерецким Онуфриевский монастырь под Мстиславлем. Монарх 24 июля выдал соответствующий привилей, передававший монастырь с имуществом и доходами Макаровскому в пожизненное владение²².

Материалы некоторых персональных дел, рассмотренных на Люблинском сейме, дают интересные сведения о социальных отношениях в Великом княжестве Литовском. Например, в Люблине разбирался конфликт между послом Вилькомирского повета Николаем Кончей и виленским воеводой канцлером ВКЛ Николаем Радзивиллом Рыжим. Конча жаловался, что Радзивилл не давал ему возможности вступить во владение селом Вишунцы в Рудоминской волости Виленского повета. Вилькомирский посол доказывал, что «сельцо» было пожаловано ему ещё предыдущим виленским воеводой Николаем Радзивиллом Чёрным, а потом это пожалование подтвердил и сам Сигизмунд Август. Николай Радзивилл Рыжий, став виленским воеводой, «не ведати для чого» забрал Вишунцы под свою власть и не позволил Николаю Конче вступить во владение селом. На сейме на стороне Кончи выступили не только земские послы ВКЛ, но и некоторые радные паны. Судя по всему, данный земельный конфликт вынудил бывшего клиента Радзивилла Чёрного²³ искать нового патрона. По крайней мере уже в августе 1568 г. Конча при получении земельных пожалований от монарха пользовался протекцией подканцлера ВКЛ О. Воловича²⁴. Сигизмунд Август признал правоту посла Вилькомирского повета и 14 августа 1569 г. «на жаданье Пановъ Рад нашихъ и прозбу пословъ земьскихъ, и на чолъмъбитье того Конъчы» выдал специальный лист: Н. Радзивилл Рыжий дол-

¹⁹ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 499; РИБ. Т. 30. Стб. 524—525. Во время сейма монарх рассматривал и отдельные частные конфликты между шляхтичами ВКЛ (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 268, арк. 248 адв.—249, 267—267 адв., 274—277; спр. 269, арк. 62 адв.—63; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 64—67).

²⁰ И в следующие десятилетия шляхта ВКЛ рассматривала вальный сейм Речи Посполитой как высший форум для защиты своих частных прав и вольностей: *Падалінскі У.* Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. // Беларускі Гістарычны Часопіс. 2012. № 8. С. 16.

²¹ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 330 адв.—331.

²² При этом Г. Макаровский должен был «водле закону своего греческого» стать игуменом Онуфриевского монастыря и, соответственно, постричься в монахи (Lietuvos Metrika. Kn. 49. P. 53; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва... С. 120).

²³ *Брэгер Г.* Кліентэла віленскага ваяводы, канцлера ВКЛ Мікалая Радзівіла Чорнага паводле кніг Віленскага ўрада 1551—1565 гг. Спісы кліентаў. Выбраныя біяграмы // Мікалай Радзівіл Чорны (1515—1565 гг.): палітык, дыпламат, мецэнат: зборнік навук. прац. Нясвіж, 2016. С. 17, 35.

²⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 245—246.

жен был без всяких задержек передать село Вишунцы во владение Н. Кончи²⁵. Так на вальном сейме при поддержке земских послов и некоторых сенаторов простой вилькомирский шляхтич сумел выиграть дело у одного из влиятельных магнатов ВКЛ.

Иногда в частных просьбах, связанных с вопросами шляхетского землевладения, отражались проблемы взаимных отношений двух субъектов Речи Посполитой. В марте—июне 1569 г. Сигизмунд Август включил в состав Короны Польской некоторые земли ВКЛ: Киевское, Волынское, Подляшское и Брацлавское воеводства²⁶. Урядники и шляхта этих земель должны были принести присягу на верность Короне. Однако далеко не все из них на тот момент признали факт инкорпорации и пытались под разными предлогами уклониться от присяги²⁷. Так, брестский староста подканцлер ВКЛ Волович отказался присягать Короне со своих подляшских имений Ломазы, Воишь и Кодень. Он доказывал, что эти имения принадлежали не Подляшскому воеводству, а Брестскому староству, а потому должны оставаться в составе ВКЛ. В марте 1569 г. король забрал у Воловича поместья и передал их в держание радомскому каштеляну Яну Тарло²⁸. После заключения Люблинской унии Волович попытался вернуть себе отобранные владения. Троцкий каштелян и подканцлер ВКЛ рассчитывал на поддержку со стороны уже объединённой Посольской избы. В конце июля 1569 г. он лично обратился к земским послам ВКЛ и Польши с просьбой ходатайствовать перед монархом о восстановлении его прав собственности на поместья Ломазы, Воишь и Кодень. Волович особо подчёркивал, что после принесения присяги на акт унии, а значит присяги королю и Короне Польской, он имел все права владеть имениями, пожалованными ему Сигизмундом Августом в пожизненное владение, тем более что эти поместья он лично выкупал у различных лиц за свой счёт. Конфискацию владений Волович называл нарушением права, которым пользуются все другие коронные обыватели²⁹. В частном письме к виленскому воеводе Н. Радзивиллу Рыжему от 27 июля 1569 г. Волович высказывался более откровенно и категорично. Он называл конфискацию поместий «грабежом» и жаловался, что даже высокая должность трокского каштеляна не помогает ему вернуть эти имения³⁰. Послы пообещали рассмотреть просьбу Воловича и на заседании 1 августа приступили к её обсуждению. Однако часть коронных послов во главе с представителем

²⁵ Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кн. 44. С. 120—122; Lietuvos Metrika. Кн. 532. Р. 77—78. Поместье состояло из десяти оседлых волок. Возможно, на успешное для Н. Кончи завершение тяжбы дополнительно повлияли его заслуги в Ливонской войне и службе при королевском дворе (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 245—246; спр. 269, арк. 65 адв.—66).

²⁶ Akta unii Polski z Litwą 1385—1791. Kraków, 1932. S. 193—207, 300—319; Volumina Constitutionum. T. II (1550—1609). Vol. 1 (1550—1585). Warszawa, 2005. S. 216—232.

²⁷ Например, в мае 1569 г. за отказ присягнуть на верность Польше Сигизмунд Август лишил должностей подляшского воеводу Василия Тышкевича и подляшского каштеляна Григория Тризну (*Halecki O.* Dzieje unii jagiellońskiej. T. 2. Kraków, 1920. S. 305; *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: Spisy. T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV—XVIII wiek.* Warszawa, 2003. S. 86, 214; *Volumina Constitutionum. T. II. Vol. 1. S. 239—240.*)

²⁸ *Лицкевич А.* Малавядомыя дакументы 1569—1577 гадоў па гісторыі Люблінскай уніі // Беларуская думка. 2009. № 7. С. 62—63; *Міхалюк Д.* Памежныя спрэчкі паміж Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім у 16—17 стст. на прыкладзе Мельніцкай і Берасцейскай земляў // Гістарычны альманах. 2001. Т. 5. С. 38; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 53.

²⁹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 589—590.

³⁰ Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów (далее — AR). Dz. V. Sygn. 17959/I. O. Woñowicz do M. Radziwiłła «Rudego». Lublin, 27 VII 1569. S. 105—106.

Краковского воеводства Станиславом Шафранцом категорически отказалась поддерживать притязания Воловича. Краковский посол заявлял, что возвращение спорных имений может стать опасным прецедентом, позволяющим правящим кругам Великого княжества поставить вопрос о возвращении уже всех отторгнутых земель Подляшья и Украины. Земские послы Великого княжества поддержали трокского каштеляна. По крайней мере один из представителей Виленского воеводства подчёркивал нарушение имущественных прав Воловича, поскольку тот потерял не только земли, но и денежные суммы, записанные на эти владения³¹. К согласию прийти не удалось, и Посольская изба на сейме в Люблине в деле возвращения отобранных имений перед королём не ходатайствовала. В данном случае даже мнимая угроза территориального спора между двумя субъектами Речи Посполитой не позволила земским послам занять консолидированную позицию в защите прав шляхетской собственности на землю. Партикулярные интересы оказались выше общих свобод и вольностей. Однако показательно, что Волович именно в поддержке со стороны Посольской избы видел один из главных шансов вернуть свои имения. И хотя на Люблинском сейме трокский каштелян и подканцлер этого не добился, в скором времени Сигизмунд Август всё же передал ему Воишь, Ломазы и Кодень. Правда, Воловичу в 1572 г. пришлось выкупить их у Тарло³².

Одним из важнейших событий, оказавших определяющее влияние на социально-политическую жизнь Великого княжества Литовского в 1560-х гг., была Ливонская война. В условиях финансового и экономического кризиса³³, охватившего ВКЛ накануне заключения унии с Польшей, шляхта вынуждена была тратить значительные собственные средства на обеспечение обороны государства. На сеймах ставился вопрос о возмещении этих расходов. Исполняющий обязанности дворного гетмана ВКЛ Роман Сангушко представил на сейме в Люблине отчёт («личьбу») о том, что он потратил на нужды обороны 888 коп 17 грошей 3 пенези литовские. После этого 14 июля 1569 г. великий гетман ВКЛ Григорий Ходкевич получил от Сигизмунда Августа поручение компенсировать Сангушко все его расходы из средств собранной в Великом княжестве серебрины³⁴. В Люблине также рассматривалось дело минского каштеляна Николая Тальвоша, выплатившего из собственных средств 1 900 коп грошей литовских на содержание на военной службе роты наёмных солдат. 25 июля монарх приказал выплатить Тальвошу соответствующую сумму из доходов

³¹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 595—598; *Źródłopiśma do dziejów unii...* S. 238, 239—240. Замечу, что С. Шафранец выступил против просьбы О. Воловича, несмотря на хорошие отношения между ними; планировался брак дочери Воловича Регины с приятелем Шафранца Северином Бонером. Тем не менее, как высказался краковский посол, он не мог потакать «ни брату, ни свату».

³² AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 13980. M. Sawicki do M. Radziwiłła «Rudego». Z Liwa, 20 VIII 1569. S. 61—62; *Міхалюк Д.* Памежныя спрэчкі... С. 38; *Мянжынскі В., Дзярновіч А.* Шляхта, іншыя землеўласнікі і землеўладальнікі ды іхныя зямельныя ўладанні ў Берасцейскім, Камянецкім і Кобрынскім паведах у другой палове XV — першай палове XVI ст. (паводле Кнігаў № 12—33 Метрыкі ВКЛ) // METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. II. Мінск, 2004. С. 62; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 53.

³³ Более подробно о кризисе хозяйства ВКЛ в 1560-е гг. см.: *Доўнар-Запольскі М.В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 602—606; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва... С. 61, 63, 76; *Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. Мінск, 2007. С. 118—194, 211—270; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 33, 62; *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 448—452.

³⁴ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 67—69.

Ретовского и Дырвянского циунств Жемайтского староства³⁵. На жизни значительного числа литовских и белорусских шляхтичей Ливонская война сказалась драматично. Индивидуальные судьбы этих людей показательны для выявления системы ценностей и мотивов социального поведения тогдашнего шляхетского сообщества Великого княжества Литовского. А их личные просьбы становились актуальными для всего политического народа Речи Посполитой.

В августе 1569 г. земские послы Короны и Великого княжества солидарно выступили с ходатайством о решении персональных дел двух шляхтичей. На одном из заседаний Посольской избы выступили «благородные люди» Лукаш Гарабурда и Мартин Островицкий, недавно вернувшиеся из московского плена. Полоцкий шляхтич, дяк канцелярии ВКЛ Гарабурда был захвачен в Полоцке в феврале 1563 г., а озериченский державца ротмистр Островицкий — в Озериче в ноябре 1564 г.³⁶ Оба обратились к послам с «искренней и горестной» речью, описав тяготы пребывания в плену. Шляхтичи подчёркивали, что их неоднократно склоняли к переходу на сторону великого князя московского Ивана IV, но от измены их удержали добродетель и вера в то, что с Божьей помощью они вырвутся «из рук лютого неприятеля»³⁷. Вернув после долгих мучений свободу, они «никакой милости» от монарха не получили. Особенно возмущало бывших узников то, что в то же время московские изменники, перешедшие на сторону короля и великого князя, «здесь обогащаются». Скорее всего, имелись в виду Владимир Заболоцкий и князь Андрей Курбский, бежавшие в 1563—1564 гг. из Московского государства и получившие в ВКЛ значительные земельные владения, в частности Ляховичское и Кревское староства³⁸. Л. Гарабурда и М. Островицкий просили земских послов ходатайствовать перед Сигизмундом Августом о возмещении понесённых ими убытков, чтобы иметь возможность выкупить из плена жён и детей. Посольская изба обещала оказать помощь великокняжеским шляхтичам³⁹, могущим рассчитывать на поддержку собравшихся на сейме земских представителей, так как многие из них лично участвовали в боевых действиях и хорошо знали все тяготы войны. Для некоторых послов ВКЛ история вернувшихся из плена шляхтичей имела в определённом смысле и семейное измерение. Посол Ошмянского повета господарский маршалок Павел Островицкий, например, был родным братом Мартина Островицкого⁴⁰. Все земские послы Короны и Великого княжества, как «люди

³⁵ Ibid. P. 75—76.

³⁶ Радаман А. Арганізацыя і склад полацкага земскага суда ў другой палове XVI — першай трэці XVII ст. // Герольд-Litherland. 2011. № 18. С. 27—28; Янушкевіч А. Вялікае Княства Літоўскае... С. 94; Mienicki R. Egzulanци Połoccy (1563—1580) // Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1933—1934, rok IX. S. 48—50.

³⁷ Во время Люблинского сейма с марта по август 1569 г. в королевском суде рассматривалось очень громкое дело по обвинению виленского воеводича Яна Яновича Глебовича в государственной измене. Этот сюжет подробно изучался в историографии (*Kempa T.* Niewola moskiewska, tajne zobowiązanie wobec Iwana IV. Oraz proces wojewodzica wileńskiego Jana Hlebowicza na sejmie lubelskim 1569 roku // *Teki Sejmowe*. Nr. 1. 2010. S. 139—151). Отмечу, что Я. Глебовича полностью оправдали, и именно вальный сейм был местом, где шляхтич смог защитить свою честь и достоинство.

³⁸ Между прочим, представители ВКЛ ещё в начале Люблинского сейма 1569 г. просили Сигизмунда Августа лишить обоих московских перебежчиков пожалованных им государственных имений, но получили отрицательный ответ: *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Cz. II. Wilno, 1844. S. 187—189; РИБ. Т. 30. Стб. 512—513.

³⁹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 626—627; *Źródłopiśma do dziejów unii...* S. 254; *Mienicki R.* Egzulanци Połoccy... S. 100—101.

⁴⁰ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 339—340.

рыцарские», проявили корпоративную солидарность и просили короля пожаловать Гарабурде и Островицкому материальное обеспечение взамен их имущества, захваченного или уничтоженного врагом. Сенаторы Речи Посполитой также поддержали просьбу шляхтичей и «у прычыне... жедали», чтобы их «хлебкормленьемъ пожаловали». 3 августа 1569 г. Сигизмунд Август, учитывая материальные потери Гарабурды, его верность государю, а также просьбы сенаторов и земских послов, пожаловал ему с семьёй и потомством в держание 40 оседлых волок «кгрунъту доброго» со всеми доходами в Эйрагольской волости Жемайтского староства «до очищения именов его в земли Полоцкой з рукъ непрятельскихъ»⁴¹. Островицкий 8 августа получил от монарха привилей на держание «до очищения» 33 оседлых волок в Оникштенской волости (Вилькомирский повет), державцей которой, кстати, был его брат и сеймовый посол⁴².

На сейме сенаторы и земские послы Речи Посполитой ходатайствовали об обеспечении полоцких шляхтичей Яцека Быстрейского и братьев Степана и Есифа Корсаков, также попавших в московский плен после захвата Полоцка и потерявших имущество на оккупированной Полотчине. Монарх удовлетворил просьбу послов: Быстрейский получил 20 оседлых и 5 неоседлых волок в Лидском старостве⁴³, а братья Корсаки — по 20 оседлых волок в Вешвянской волости Жемайтского староства⁴⁴. Все эти грамоты подписал лично трокский каштелян и подканцлер Волович, что может косвенно свидетельствовать о роли, сыгранной им в деле материального обеспечения знати Полоцкого воеводства, чьи земли оказались под властью Московского государства. Солидарная поддержка со стороны представительства Короны Польской и ВКЛ просьб шляхтичей, пострадавших от военных действий, показывает, насколько важное место в системе ценностей тогдашней шляхты Речи Посполитой занимали такие понятия, как благородство, честь и верность Отечеству.

Таким образом, на вальном сейме Речи Посполитой шляхта ВКЛ успешно решала свои индивидуальные дела и проблемы. Это укрепляло авторитет общего сейма в её глазах, формировало отношение к нему как к важнейшему форуму, защищающему частные шляхетские права и вольности. Во время обсуждения на сеймовых заседаниях персональных дел шляхта Короны и Великого княжества осознавала совпадение своих ценностей и интересов, что способствовало дальнейшей интеграции двух частей Речи Посполитой. Вместе с тем даже при рассмотрении личных просьб на сейме проявлялись партикулярные противоречия между коронным и великокняжеским политическими народами. Считаю, что подобный «индивидуальный подход» позволит открыть новые перспективы в исследовании истории уний между Коронай Польской и Великим княжеством Литовским.

⁴¹ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 76–77.

⁴² НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 339–340.

⁴³ Lietuvos Metrika. Kn. 49. P. 57–58; Kn. 532. P. 77; *Mienicki R. Egzulanci Połoccy...* S. 48, 50, 60. Позднее Сигизмунд Август уточнил, что Я. Быстрейскому будет пожаловано восемь крестьянских «служб» в селе Кульбаки Лидского староства (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 313–313 адв.).

⁴⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 267, арк. 269 адв.—271; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 77.